

Не бойтесь показать зрителям спину

Конкурсы красоты для всех заканчиваются по-разному. Для Оксаны Фандеры участие в «Московской красавице», по одной версии, было судьбоносным — мелькнувшую в телевизоре призершу заметили режиссер Анатолий Васильев и будущий муж Филипп Янковский. А съемки в культовом для нынешних тридцатилетних фильме «Приключения Электроника» научили наблюдать «золотую молодежь» в лице близнецов Торсуевых с младых ногтей. Эти наблюдения помогли ей, когда пришла пора стать актрисой, моделью, светской барышней и невесткой Олега Янковского. Оказалось, что человеку, пришедшему в московский артистический мир со стороны, легче сформировать свое непредвзятое мнение о нем.

— Достаточно ли имиджа куклолки-«бэйби долл», чтобы войти в круг «золотой молодежи»?

— Что такое «золотая молодежь» в Москве? Это дети артистов и режиссеров — Федя, Степа, Филипп, Антон, Рома (Бондарчук, Михалков, Янковский, Табаков, Прыгунов), еще целый ряд имен. Они не пускают никого в свою компанию не потому, что такие крутые, а потому что их отношения начались еще в детстве.

«Золотой молодежи» они стали не только по факту рождения, а потому что вовремя сообразили: пора становиться самостоятельными личностями. Стали заниматься делом, которым в начале девяностых в России не занимался никто, — музыкальным видео. Родители не могли помочь им делать классное видео — у родителей другие профессии и отсутствие связей в отсутствовавшей тогда индустрии, которую и создали их дети.

Они делали видео не чтобы выпендриться, а потому что они все мужики и им надо доказывать себя, самоутверждаться через профессию, и с чистого листа это делать в определенных моменты проще. Тогда как раз был такой момент. Но им все равно все давалось сложнее. Потому что ну не сделала я клип — и ладно: не получилось. Если клип не получится у Филиппа, его просто растопчут, потому что тогда он бездарный сын талантливого артиста. У них возможности упасть не было вообще.

Когда я познакомилась с ними, у меня было обычное обывательское неприятие: «У-у-у, наверное, много понтов при отсутствии мозгов». Я сложно входила в этот круг, и было приятно поменять негативное мнение на положительное. Я знаю внутреннюю историю каждого. Все они перешагнули свой рубеж и могут собой гордиться.

— А как вы, такая хрупкая, веселая и шикарная женщина, оказались в актрисах строгого режиссера Анатолия Васильева?

— Достаточно посмотреть на мои обкусанные ногти, чтобы оценить мою неприхотливость и мой «шик». Одесские корни не позволяют мне быть недовольной покраской стен или этой скатертью. У меня другая организация. Но впечатление —

да, наверное, вы правы. Поэтому я своя и в кругу художника Петлюры, и на презентации швейцарских часов. А к Васильеву я попала случайно. Это странная история.

Осенью 88-го года мне позвонили в восемь утра из аэропорта — Васильев улетал за границу — с просьбой подготовить программу к его возвращению. Я положила трубку, уверенная, что это очередной розыгрыш моих безумных друзей. Позвонили еще раз — это был раздраженный Каменькович Евгений Борисович — педагог школы Васильева. Мы встретились с Каменьковичем, который не знал, что в 16 лет я уже поступала в театральный и меня не взяли — потому что я читала Зошенко, Бабеля, пела матерные частушки Вилли Токарева, а комиссия видела меня тургеневской девушкой. Ну я больше и не навязывалась.

Каменькович сказал: «У него отличный курс уже набран, приказы подписаны. Я не знаю, где он вообще вас откопал. Но если так случилось, это абсолютное чудо. Вы можете представлять для него интерес в одном-единственном смысле: как белый лист, на котором можно нарисовать все что угодно. Вот это для него может быть крайне любопытно».

Следующий звонок раздался в два часа ночи: Васильев ждет вас на улице Воровского. Приезжаю: сидит Анатолий Александрович, не моргает, гладит бороду, трогает шарфик, хвостик, смотрит. Я сажусь перед ним. Мы молчали сорок минут. Сорок минут мертвой тишины. Думаю, он меня вбирал в себя. Я не выдержала первая: «Может, я вам почитаю?», — «Не надо. А вдруг вы мне не понравитесь? Просто приходите на занятие». И все.

Каменькович оказался прав. Я работала как каторжница — и получила пятерку по мастерству. Но на меня все равно смотрели как на бланную — ведь каждый из них отодвинул такое количество людей, а я пришла «с мороза».

Я играла в открытых репетициях «Диалогов» Платона, в «Иосифе и его братьях» Томаса Манна. Ушла после гастролей в Японии — видимо, так было надо.

— Что вам дали годы обучения у Васильева?

— Васильев отправляет в путешествие. Он развивает у артистов интеллект. Это предельно чувственный, физически ощущаемый процесс — как ты понимаешь постепенно, что в тебя, как во всякого человека, многое заложено, но не развито и вот оно развивается. Васильев начинал сразу со сложного — с Платона. Это была шоковая терапия для всего курса, не только для меня — а со мной на курсе были Саша Галибин, Никита Михайловский, Игорь Яцко. И он просто знал, к чему должен нас привести.

Вот «Свадебное путешествие» по пьесе Владимира Сорокина, которое я сейчас играю, — тяжелый спектакль. А в сцене с Игорем Яцко я отдыхаю. Не потому, что он играет психотерапевта, а потому, что мы однокурсники и

мы одной группы крови, легко понимаем друг друга.

— Вы огибаете академический театр и все время оказываетесь в поле театрального поиска. Вам все равно, какой это театр — келейный или гламурный, лишь бы не академический?

— Я прочла пьесу. Потрясающая. Представьте себе любого светского персонажа, который вдруг перестает держать спину и начинает ковырять в носу, — вы получите как раз «Свадебное путешествие» Сорокина. Я дала почитать ее Олегу Ивановичу Янковскому, заранее думая, что он снова скажет мне: «Осторожнее, вряд ли тебе это нужно». В первый раз за 15 лет он сказал мне: «Только если бы

я был твоим врагом, я сказал бы тебе: «Не делай этого».

На репетициях стало понятно, что для режиссеров Эдика Боякова и Илзе Рудзите не существует театральных законов. Нельзя вставать спиной к залу, ты должен разворачиваться лицом и подавать репризные реплики — меня от этого трясет, а тут всего этого не было. Поэтому я люблю Гришковца, Фоменко и Митю Чернякова, которого открыла для себя совсем недавно. Оказалось, что Эдик и Илзе, как и я, внутренне стебаются над тем театром, которому осталось жить очень немного. Мне кажется, сегодня стоит пойти за таким театром, как «Театр.док». Я видела «Большую жрачку» три раза! Я вцепилась в этих подвальных

жителей мертвой хваткой и мучила их 4 часа — как им все это удастся. По-моему, это единственное живое, настоящему дышащее театральное место в Москве.

Я привела на «Большую жрачку» Олега Ивановича Янковского. Он репетировал в тот момент ленкомовскую премьеру «Все оплачено» и настроением, принесенным из «Театр.док», заразил Чурикову и Збруева. Он сказал: «Это то, к чему я стремился всю сознательную жизнь». Это сказал Янковский, глядя на ребят, которые играют в подвале. Когда он узнал, что они студенты института культуры, он сказал: «Да ты просто врешь для усиления эффекта».

Я бы там сыграла! Потому что там свобода. Инга Дапкунайте сказала: «Знаешь, где особенно проявляется разница российской и западной актерских школ? На поклонях. Наши выходят — как из шахты, они задышались от той глыбы, которую они поднимали в течение двух часов. А западники — как светлячки. Потому что наш студент выходит из вуза через четыре года — и все свои проблемы знает: картавость, акцент, плохая пластика; холодный зажим, а не человек. А в Европе и Британии говорят: если мы вас выбрали, значит, вы уже гений. Мы только еще колыба нанижем на ваш стержень. Такой хороший принцип: если выбрали тебя — иди и улыбайся».

— А ваши дети в обычную школу ходят?

— Это было мое принципиальное слово. Я пошла наперекор всем и сказала, что дети будут учиться в самой обычной бесплатной школе, с обычными педагогами и детьми из обычных семей без мобильных телефонов, водителей и лейблов.

Я совсем недавно поняла, что такое дети. Это не наша собственность, не существа, с помощью которых мы самоутверждаемся. Это души, отданные нам на хранение. Я даю им свободу. Филипп тоже.

Они были еще маленькие, я им сказала: «Я воспитывать вас не умею. Могу предложить вам дружбу». Так и живем. Глупо сюсюкать, когда по жизни ты так не разговариваешь. Ребенок все равно умнее, чем ты.

— Вы заметно сыграли в дебютном полном метре Филиппа Янковского «В движении». Продолжение семейной работы последует?

— Да. Я снимаюсь сейчас у Филиппа в «Статском советнике» по Акунину. Снимаются Олег Меньшиков, Никита Михалков, Владимир Машков, Маша Миронова, Олег Табаков. Сценарий был написан Акуниным для Никиты Михалкова. Михалков, посмотрев фильм Филиппа «В движении», настолько принял картину, что решил передать сценарий Филиппу. 14 января мы стартовали, был первый съемочный день. Премьера, наверное, осенью.

● Екатерина ВАСЕНИНА

Оксана ФАНДЕРА:
Дети артистов
оказались
настоящими
мужчинами

Владимир ЛУПОВСКОЙ